ибо вообще они более нетрезвый и праздный народ, чем все другие люди. Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимают ее с попа, затем поколотят его хорошенько и снова бережно надевают на него оную» (стр. 351). На поминках по покойникам «священики и все другие напиваются до такой степени, что домой ползут уже на четвереньках» (стр. 367).

В таком же резком тоне о пьянстве духовенства позже писал Корб: «Священники всегда имеют обыкновение носить с собой крест. Очень жаль, что драгоценнейший символ нашего искупителя, носимый самыми презренными человечишками, должен часто валяться в сору и грязи в руках у ослабевших и шатающихся от чрезмерно выпитой водки людей» (стр. 230—231). Монахи, продолжает Корб, «во время поста до такой степени изнуряют свою плоть, что грехом считается даже давать лекарство больным; по миновании же срока поста, они предаются всякому разгулу и, более похожие на гуляк, чем на монахов, пьяные неистовствуют на площадях. Часто можно видеть, как, сбросив с себя всякую стыдливость, они предаются разврату на проезжих площадях» (стр. 229).

В описании русской свадьбы автор, указывая момент, когда невесту везут в церковь, говорит: «Жених и его друзья следуют затем сейчас же за священником, который иногда успевает уже настолько напиться, что приходится с обеих сторон его поддерживать, чтобы он не упал с лошади, а иной раз поддерживать и в самой церкви при церемонии венчания» (стр. 479).

Таким образом детали в изображении пьющего духовенства у автора «службы кабаку» вполне совпадают с историческими свидетельствами. К этому вопросу мы вернемся еще ниже, выясняя, кто же был этот автор.

Не щадя пьяницу, которого автор называет — «малоумны рабе, непослушливый, делатель бесованию, высокоумный, буявый, непокоривый, мерской смутотворец», — все же всю силу своего негодования он обрушивает на кабак. Обилие эпитетов, которыми он наделяет это учреждение, изумительно. Среди них есть и старые привычные эпитеты, подчеркивающие греховность пьянства, — «греху учитель, душевному дому разорение, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче, душам губителю», — но их сравнительно мало: они тонут в перепевах одного основного мотива — кабак «людем обнажение велие»: песнопения пестрят этими эпитетами. Кабак «несытый, несытая утроба, от всего добра отводитель, домовная пустота, неблагодарная нищета, неистощимая нищета, нищета пребедная всем, нищета сказуемая, дому разоритель, богатства истощитель, нагота и босота, голое сиротство, сокровище некрадомое нашему имению,